

К. М. КОЛОБОВА, Л. М. ГЛУСКИНА, *Очерки истории древней Греции. Пособие для учителя.* 1958, Гос. учпедгиз РСФСР, Л., 345 стр., тир. 35 000

В последние годы у нас появилось немало учебников и учебных пособий по истории древнего мира, однако приходилось сожалеть о недостаточном количестве книг по истории Греции, обращенных к широкому кругу советских людей, занимающихся самообразованием. «Очерки истории древней Греции» также задуманы в качестве пособия для учителей школ и учащихся вузов. Этой задаче подчинено построение книги в целом и в отдельных главах. Изложение материала в общем следует за нынешней школьной программой по истории Греции, но далеко выходит за ее рамки. Авторы пособия стремятся не только предоставить учителю дополнительный материал для преподавания, но и значительно углубить его научно-теоретические познания. Книгу характеризуют три основных качества: соответствие современному уровню развития науки об античности, доступный и образный язык, высокая идейность. Вот почему «Очерки» соответствуют и другой задаче, также поставленной авторами, — пробудить интерес к истории и культуре Греции у нашего широкого читателя и прежде всего у нашей молодежи, жадно устремляющейся к знакомству со всеми областями науки. Несмотря на предельную сжатость изложения, книга насыщена разносторонним фактическим материалом, в некоторых случаях дополняющим вузовские учебники и вышедшую под ред. акад. В. В. Струве и Д. П. Каллистова «Древнюю Грецию»¹.

В своем пособии учителя авторы ставят ряд серьезных теоретических проблем, причем особое внимание уделяют вопросу о сущности и путях развития рабовладельческого полиса. Красной нитью через изложение проходят известные положения К. Маркса о специфических особенностях античной формы собственности. Книга является попыткой обобщения и популяризации большой исследовательской работы советских и зарубежных античников, проделанной ими в последние десятилетия, и поэтому заслуживает детального рассмотрения.

Уже глава I (автор К. М. Колобова) захватывает читателя красочностью и динамичностью в изображении природы Греции. Удачно введены в текст выдержки из произведений греческих поэтов и прозаиков, из писем Флобера и мифологические предания. Попутно дается представление о важнейших культурных центрах страны, о быте ее трудовых людей в древности. «Греция была бедной страной, а греки — бедным народом», — подчеркивает автор, и это замечание помогает читателю составить правильное представление об условиях жизни создателей великой эллинской культуры.

Во II и III главах (автор Колобова) дается впервые в нашей учебной и научно-популярной литературе последовательное изложение истории Греции в микенский и гомеровский периоды, с учетом последних научных данных. Особенный интерес представляет раздел, посвященный характеристике социально-экономического строя ахейских государств. Сравним, например, как трактуется вопрос об ослаблении микенского общества во «Всемирной истории» и в «Очерках»: во «Всемирной истории» (т. I, стр. 424) ослабление Микен объясняется наличием «массы жестоко эксплуатируемых рабов и безземельных», в «Очерках» же высказывается хорошо обоснованное предположение о преобладании среди земледельцев общинного быта с неразвитой частной собственностью на землю, что исключало появление «массы» безземельных. Уплачиваемая общинная подать была источником огромных средств, которые находились в руках ахейских царей. Войны, набеги, прекращение подвоза рабов и металлов вызвали в конечном счете экономический упадок Микен, а недовольство населения, сопротивление власти царей со стороны рабовладельческой знати подготовили конечную победу вторгнувшихся дорийцев — так объясняется в рецен-

¹ «Древняя Греция» (отв. ред. акад. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956) по замыслу ее авторов обращена к широким кругам советской интеллигенции, но она недостаточно доступна по стилю изложения и некоторые ее разделы уже устарели. См. рец. А. И. Павловской и В. К. Пухтинского, ВДЦ, 1958, № 2.

зируемой книге падение Микен. Характеристика гомеровской Греции лишена той описательности и статичности, которая обычно присуща трактовке этой темы. Гомеровское общество сопоставляется с ахейским, насколько это возможно при современном уровне знаний об этом последнем.

Очень хорошо, что при всей доступности изложения несколько не упрощается противоречивый процесс перехода от микенского к гомеровскому периоду.

На первый план выдвинуто значение дорийского завоевания в деле образования новых отношений господства и подчинения. Первостепенное внимание и в данной главе, и на протяжении всей книги обращено на форму земельной собственности. В заключительной части III главы описываются два пути порабощения сельского населения: в районах, подвергнувшихся завоеванию, — на основе права завоевания, в других районах — на основе роста долговой кабалы и концентрации земли в руках родовой знати; оба процесса развивались в условиях родового владения землей (стр. 44). Анализ социально-экономических отношений не заслоняет собою изображения других сторон жизни и быта греческого общества XI—IX вв. до н. э.

IV глава (автор Колобова) носит по преимуществу теоретический характер. Прежде всего рассматривается структура аристократического рода в VIII—VII вв., экономические и идеологические предпосылки его могущества, отношения между знатью и сельским населением, отношение богатой знати к обедневшим членам собственного рода.

Постепенно родовые органы власти стали использоваться знатью как орудие угнетения. Позднеродовой строй трактуется как классовое общество. Против родовой знати выступили рабовладельцы «нового типа». Противоречие между ними характеризуется как противоречие между различными формами рабовладения. «Этот конфликт между двумя рабовладельческими группировками, хотя и был острым, не носил непримиримого характера», — пишет автор. Рабовладельцы «нового типа» возглавили борьбу крестьян против родовой знати, так как именно крестьянство было движущей силой классовой борьбы. В главе прослеживаются этапы того исторического процесса, который в конечном счете привел к созданию развитого рабовладельческого строя, причем подчеркивается роль тирании: «Каковы бы ни были установленные после падения тирании формы власти, общим было везде одно и то же: ...родовая знать перестала пользоваться своими привилегиями как родовая знать... Пала родовая собственность на землю, и перестало существовать родовое рабство» (стр. 73). Завершается глава развернутой характеристикой рабовладельческого полиса.

Чрезвычайно отчетливо обрисована характерная для любого античного полиса двойственная форма собственности. Разъясняя известные положения К. Маркса о специфике античной государственной собственности, автор показывает, что «двойственная форма собственности была выражением двойственного социального состава полиса», так как в него входили крупные собственники, рабовладельцы и мелкие свободные производители. В демократическом полисе свободные производители получали часть прибавочного продукта от труда рабов. «Форма литургии и являлась конкретной формой выделения части прибавочного продукта гражданами-богачами гражданам-беднякам» (стр. 77).

Я считаю методически правильным такое подробное рассмотрение двух ведущих социальных организаций греческого общества, именно, аристократического рода и рабовладельческого полиса. К тому же, впервые в нашей учебной литературе дан столь глубокий и всесторонний анализ структуры полиса. Установление специфических особенностей полисной структуры позволило теоретически углубить трактовку ранней истории Спарты (гл. V) и Афин (гл. VI). (Обе главы написаны Колобовой.) Как известно, одним из сложных вопросов истории Спарты является определение социальной сущности илотажа. В вузовском учебнике «История древней Греции» В. С. Сергеева утверждается в категорической форме: «фактическое положение плотов ничем не отличалось от положения рабов» (стр. 156). Напротив, А. К. Бергер, автор главы о Спарте в «Древней Греции», подчеркивает, что «в отношениях к плотам и рабам наблюдаются коренные отличия» (стр. 93). Во «Всемирной истории» вообще не дается определения

в понятиях марксистско-ленинской теории формы эксплуатации илотов (т. I, стр. 668, автор главы Д. П. Каллистов). К. М. Колобова, исходя из наличия государственной собственности на землю и на илотов, определяет политическую структуру спартанского государства «как форму военной диктатуры над илотами». Отметив «некоторую экономическую заинтересованность илотов в обработке клеров спартиатов», автор говорит об очень большой роли внеэкономического принуждения, поскольку «право собственности и на население, и на принадлежавшие этому населению земли было основано на завоевании», и в дальнейшем власть над илотами поддерживалась при помощи прямого насилия (см. стр. 87—88). Итак, по мысли автора, большая роль внеэкономического принуждения в отношении к илотам приближает их положение к положению рабов. С другой стороны, обращено внимание на такую особенность классовой борьбы илотов против своих поработителей, которая отсутствовала в движениях рабов: «их (т. е. илотов. — Е. М.) классовая ненависть к угнетателям усиливалась общим и единодушным стремлением к возврату потерянной свободы». Речь идет не о возвращении индивидуальной свободы для отдельных рабов, а о восстановлении политической независимости захваченной спартиатцами территории. В этой связи стоит вспомнить, что в учебнике Сергеева не проводится никакого различия между движениями илотов и рабов (см. гл. XVI, написанную А. В. Мишулиным). В заключение автору следовало бы четко сформулировать разницу между положением рабов и илотов, поскольку в нашей учебной литературе существует тенденция сгладить ее.

Интересно и живо написан очерк о греко-персидских войнах (гл. VIII, автор Колобова за исключением раздела «Поход Дария на скифов»). Он является результатом большой исследовательской работы автора главы и содержит ряд ярких деталей. Описание Марафонского и особенно Саламинского сражения значительно полнее, чем в «Древней Греции» и в существующих вузовских учебниках. Но описание внутриполитической борьбы в Греции этого периода излишне сжато. Нет ясности в изображении политической линии Павсания, и потому в тексте выглядит немотивированным обвинение Фемистокла в сношениях с ним. Если автор не разделяет общепринятого взгляда на сношения Павсания с персами, то это надо было оговорить.

Глава IX посвящена социально-экономическим отношениям в Греции, глава X — характеристике рабовладельческой демократии в Афинах (обе главы написаны Л. М. Глускиной). Этот раздел книги должен дать читателю отчетливое представление об особенностях рабовладельческого полиса периода расцвета, о его экономических предпосылках и политическом строе. Теоретические положения К. Маркса о сущности полиса, которые были изложены в IV главе книги, должны быть теперь подтверждены и раскрыты на конкретном материале.

Достигает ли автор этой цели? Внимательный читатель найдет в IX—X главах достаточно богатый материал, чтобы сделать правильные выводы. Однако изложение выиграло бы, если бы некоторые формулировки были сделаны более четко. Вот пример. В разделе «Борьба демократов и аристократов» (стр. 201) автор правильно объясняет заботу государства о материальном обеспечении обедневших граждан классовой сущностью полиса, «представляющего собой коллектив граждан, противопоставленный негражданам и рабам» (ср. стр. 76), но следовало напомнить, что гражданский коллектив в то же время был объединен экономической связью, наличием общинно-государственной собственности и что две формы собственности, присущие полису, частная и общинно-государственная, находились не в состоянии гармонического равновесия, а, напротив, в состоянии обострявшейся борьбы, которая политически выражалась в столкновении демократической и антидемократической группировок².

Было бы также очень важно установить с полной ясностью, что вся система государственной поддержки малоимущих граждан, включая и развернутое Периклом строительство, обеспечивавшее работой ремесленников, была непосредственно связана с общинно-государственной формой собственности (Plut., Per., 12; см. стр. 203) и была

² И с о к р а т в «Речи о мире» VII, 52, противопоставлял τὰ ἴδια ἀγαθὰ — τὰ ἀγαθὰ τοῦ κοινῶν, собственность индивидуальную и собственность государственную.

очень далека от пособия по социальному обеспечению в современных капиталистических государствах.

Далее, кажется неправильным утверждение автора, будто афинские гражданки были лишены возможности «пользоваться благами демократического устройства» и были полностью отстранены от участия в государственной жизни. В качестве жены или дочери гражданина женщина получала какую-то долю «казенных средств». Кроме того, только афинские гражданки допускались к выполнению некоторых обрядов, и, учитывая тесную связь культа и государства, можно сказать, что участие женщин в культе, например в панафинейском шествии, было их формой участия в государственной жизни. Полноправная афинская гражданка отдавала себе отчет в своем привилегированном положении и гордилась им³. Поэтому неверно объединять женщин, метеков и рабов по одному формальному признаку — отсутствию избирательных прав (см. стр. 198).

Культуре периода расцвета уделено 55 страниц (XII глава, автор Колобова). Глава состоит из четырех разделов: греческая религия, греческое искусство, греческий театр, греческая наука. Безусловно заслуживает одобрения, что автор внес в характеристику греческой религии элемент историзма и показал, как менялось ее классовое содержание при переходе от позднеархаического строя к полисному. Победа «новых владельцев» над родовой знатью привела к сдвигам и в области религии. Они были многообразны. Автор останавливается на самом значительном явлении — формировании полисной религии. «Религиозные культы преследуют теперь цель сплочения всех граждан в единый коллектив и обеспечения их полисного патриотизма» (стр. 241). Дается красочное описание альтаиса, приводятся новейшие данные о раскопках в Олимпии. Хорошо показан светлый, жизнеутверждающий характер верований греков. Читателю становится ясным, почему именно греческая мифология стала «почвой и арсеналом» искусства греков, и это является большим достоинством данного раздела.

Следующий раздел посвящен храмовой архитектуре и монументальной скульптуре. С большим мастерством сделаны описания Пропилей, Парфенона, Эрехфтей-она, торжественной панафинейской процессии. Рассказ автора дополняется выдержкой из сочинения Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим», мало знакомого нашему читателю. Гуманистическую сущность греческого искусства ярко передают слова Гл. Успенского (из рассказа «Выпрямила»), которыми заканчивается данный раздел. Очерк, посвященный театру, написан интересно и содержательно, однако местами чрезмерная сжатость изложения привела к неясностям. Вызывает сомнение сопоставление Аристофана с Лукианом. Веселые шутки Аристофана по адресу богов были вполне в духе карнавальной вольности и не служили пропаганде безбожия. Каковы бы ни были личные религиозные взгляды Аристофана, он не мог не считаться с консерватизмом афинского демоса как раз в вопросах религии. Следовало также дать оценку политической позиции Аристофана. В заключительной части главы подчеркивается принципиально важное положение о народности греческой культуры периода расцвета. Народность греческой культуры была продуктом той своеобразной и неповторимой социальной организации, какой являлся демократический полис. Распад полисных связей и гибель полисной демократии имели своим следствием упадок культуры и утрату присущих ей черт народности. Автор доказал это на материале эллинистической культуры.

В XIII главе (автор Глускина) показаны процессы, подготовившие македонскую гегемонию: «Экономические интересы богатых купцов, ростовщиков и предпринимателей вышли за рамки небольшого города-государства. Они заинтересованы были в создании более обширного государства с сильной централизованной властью, способной обеспечить их интересы в районе Средиземноморья и оградить их состояние от посягательств бедноты» (стр. 207). Эта формулировка правильно характеризует тенденцию исторического развития Греции в IV в. Если учесть, что беднота в своем большинстве представляла паразитический люмпен-пролетариат, презирающий труд, то вряд ли

³ См. Aristoph., *Lys.*, ст. 379, 464, 640, 650.

можно согласиться с тем, что и в период загнивания полиса система раздач сохраняла свое положительное значение. А ведь в XVI главе автор (Колобова) утверждает в сущности именно это, давая оценку деятельности и личности Демосфена (см. стр. 317, сноски). Автор, несомненно, прав, высоко оценивая личные заслуги великого афинского патриота, но мне представляется спорной попытка оправдать его деятельность не только этически, но и исторически.

Периоду эллинизма (глава XVI, автор Колобова) в книге уделено менее десяти страниц, из них немногим более четырех — эллинистической культуре. Однако и этот раздел чрезвычайно содержателен благодаря искусству автора выражать свои мысли в предельно сжатых и точных формулировках. Особенно интересна заключительная часть главы, в которой упадочному, зараженному космополитизмом эллинистическому обществу противопоставляются крепнущий патриотизм и освободительная борьба народов, подвластных наследникам Александра.

Подводя итог сказанному, следует признать, что наш читатель получил увлекательную и в то же время строго научную книгу по истории Греции, основанную на глубоком знании первоисточников, на новейших научных данных и на самостоятельной исследовательской работе ее авторов. Ряд выдержек из стихотворений греческих поэтов дан в переводе К. М. Колобовой. Книга иллюстрирована и снабжена списком рекомендуемой литературы.

Е. А. Миллиор